

Судьбы сплетенье

(эссе на тему: «Семья на фоне эпохи»)

Бабушка закончила свой рассказ про неожиданную встречу из детства. Про встречу с медвежонком. Эту историю я слышала не раз и, кажется, помню ее наизусть. Все присутствующие рассмеялись – да, это была история с добрым концом... Все мы помним ее наизусть, и от этого она только ценнее.

Мне определенно нравится эта традиция семейных посиделок, когда все-все собираются вместе и вспоминают, что было. А мы с двоюродными братьями придумываем, что будет. Мы представители уже двадцать первого века, и не нам, казалось бы, заглядывать в прошлое. Только вперед. Поднять паруса! Курс на будущее! Но уж больно заманчивы ящички со старинными документами в сырой просторной комнате дедушки со потертыми зелеными обоями на стенах; слишком громко перешептываются тяжелые картонные альбомы в спальне бабушки, вынужденные тесниться на полке вместе с обрезками ткани, из которой когда-то шились модные платьица моей маме и ее сестричке; еще слишком отчетливо я помню скрип качели во дворе деревянного дома прабабушки и запах ковров внутри. А что это там? Что прячется в украшенном резьбой футляре? Легендарная машинка «Зингер». Та самая...

– Ба! Ба, а откуда у тебя машинка? Ведь она такая старая! А это откуда? А это? А мы? Откуда мы?..

Один из моих двоюродных братьев всегда гордился тем, что успел родиться в Советском Союзе. Еще бы чуть-чуть и не успел. Всего год отделяет его появление на свет от роковой даты распада. Но именно этот год связывает его с целой эпохой. С эпохой решительной, неповторимой созидающей, и в то же время с эпохой разрушительной, страшной, губительной. Есть чем гордиться!

Все началось с безумного переворота: всё вверх дном, всё вверх тормашками. Ниточки человеческих судеб на полотне истории сплелись в причудливые узоры, а то и в узлы – до сих пор не распутаешь. Любимая и единственная лошадь в тридцатые годы вдруг обернулась для семьи Демидовой Антонины Гордеевны (моей прабабушки) раскулачиванием и последующей ссылкой из Ставропольского края в необжитый Казахстан. Демидовы не были богаты; все, что у них было «сверх меры», – эта самая лошадь – было нажито честным крестьянским трудом. Но у истории свои планы.

Мой прадед прошел уже две войны – монгольскую в тридцать девятом и в том же году финскую. И вот еще одна! Немецкие фашисты продвигаются все дальше и дальше вглубь страны, оккупируя все большие и большие территории. В сорок втором придет похоронка, и только родившаяся крошка Рая уже никогда не увидит своего отца. Это Урал, деревня Пегановка.

Совсем неподалеку, в Свердловске, собирает детей в дорогу Евдокия Андреевна. Леве исполнилось три, а Леше нет еще и годика. Чтобы не умереть с голоду, нужно ехать в Лубянцы Горьковской области, откуда она родом, в колхоз. В Свердловске у Евдокии нет работы, а мужа забрали на фронт. Он больше не штукатур, не мастер, руками которого сделан потолок в фойе Уральского политехнического института (которым мы любимся до сих пор), он теперь, как все, солдат. Мало горя – приходит ложная похоронка... Назло смерти Леонид Иванович проходит всю войну и возвращается с семьей в Свердловск. Хоть и контуженный, но главное – живой!

Не знает ничего о Евдокии Андреевне и ее детках Перехода Михаил Гордеевич. Он сейчас в плену, в далекой вражеской Германии. Судьба ему готовит встречу с другой женщиной – Антониной Гордеевной. Помните, в тридцатые она оказывается в Казахстане? Михаил после освобождения в сорок пятом едет туда же развивать угольную промышленность.

Уголь... Где-то за версты отсюда другие прабабушка и прадедушка, еще совсем юные, со своими братьями и сестрами совершают мучительный путь в Сибирь на угольные шахты. И Шмидт Эвальд Эрнестович, и Шайд Фрида Августовна – немцы по национальности. Предки Фриды переселились в Россию еще при Екатерине II после разорения Германии в Семилетней войне; Эвальда –

чуть позже – в 1818 году. Верные подданные приютившей их страны, они мирно занимались сельским хозяйством, пока вдруг война не объявила их страшными врагами и не заставила советское правительство принять решение о депортации всех немцев, живущих западнее Урала в Сибирь. Никогда они больше не вернутся: прабабушка к родным берегам Волги, а прадедушка в солнечную грузинскую деревушку Катериненфельд.

1945 год – год Победы – станет для обоих знаковым в жизни и не только из-за окончания войны... Повзрослевший и закаленный трудностями Эвальд возьмет в жены юную Фриду, и вскоре у них появится первый сын – мой дедушка.

Их скитания не закончатся на этом, впереди еще переезды в Киргизию и в Узбекистан, а позже и вовсе в Германию. Никого не щадит история. Наступает тот самый роковой девяносто первый, и вновь переворот! Теперь в бывших советских республиках говорят на своем «чужом» языке, закрываются заводы, за хлебом выстраиваются очереди, а местные кланы делят территории. Обжитой дом, трудом и временем возвращенные виноградники позаброшены, а их владельцы оказываются в чужой для них Германии. Не по своей воле покидают Киргизию и мои бабушка с дедом – встал единственный комбинат в поселке, совсем рядом военные действия...

Вот и еще одна семья оказалась дома – в Свердловске, ныне Екатеринбурге. Кто-то домой вернулся, кто-то этот дом приобрел, кто-то никогда не покидал. Уже здесь познакомились мои родители, здесь появилась на свет я. Здесь мы теперь собираемся за огромным столом, больше всего напоминающим корабль. Ноев ковчег. Здесь пока брошен наш якорь; брошен до тех пор, пока мощные ветры истории не решат, что ему здесь больше не место.

Как причудлив узор на сплетенном полотне эпохи! Работа истории – внимательно следить за тем, как переплетаются разноцветные волокна. Вот здесь разъединить и отнести подальше; а здесь, пожалуй, можно слить в одно... Страшно подумать, как зависит судьба семьи от событий, вытканых на этом полотне. Все радости и горести эпохи находят отражение в семейной летописи. Даже самые крохотные происшествия оставляют зарубки на память.

Память. Мы всегда должны быть готовы к тому, что и нас однажды спросят:
– Ба! А откуда эта машинка? Откуда мы?..

И мы должны будем дать ответ. Пока мы помним, истории не придется напоминать. Уж больно жестокие она выбирает для этого методы...

Все собрались, а это значит пора разливать чай.

– Будешь конфетку?

– Спасибо.

– Сейчас хорошо – конфет много и все разные. А я вот помню, лет пятьдесят назад...